Марина Ветрова ✦ Виктория Шнайдер

Развод с предателем.

Ты сжёг мой паспорт, а шейх подарил мне свободу!

Виктория Шнайдер

Развод с предателем. Ты сжёг мой паспорт, а шейх подарил мне свободу!

«Автор»
2026

Шнайдер В.

Развод с предателем. Ты сжёг мой паспорт, а шейх подарил мне свободу! / В. Шнайдер — «Автор», 2026

Десять лет я терпела мужа, который считал меня своей собственностью.Когда решила уйти, Артём сжёг мой паспорт, документы на развод и деньги, а его любовница спокойно наблюдала.Потом он захотел повесить на меня долг в два миллиона евро.Я сбежала в снежные Альпы без крыши над головой и почти замёрзла.Меня нашёл шейх Халид, от которого муж мечтал получить контракт.Он предложил защиту, но я слишком хорошо знаю цену чужой власти.Теперь мне предстоит вернуть свободу, наказать предателя и доказать, что я не вещь.А шейху — научиться любить женщину, которая больше никому не подчинится.И я выбираю новую жизнь.

© Шнайдер В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Камин 5
Глава 2. Соучастница 8
Глава 3. Снег у перевала 11
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Марина Ветрова, Виктория Шнайдер Развод с предателем. Ты сжёг мой паспорт, а шейх подарил мне свободу!

Глава 1. Камин

Чемодан я собрала за три дня. Маленький, дорожный, на молнии с выпрямленным зубчиком — Артём так и не починил его за десять лет, а выбросить всё не решалась. В нём лежала моя новая жизнь: два свитера, тёплые носки, фото мамы и папка с документами на развод, которые адвокат из Екатеринбурга собирал для меня полгода, пока врала мужу про «курсы повышения квалификации для медиков».

Билет на самолёт — вылет завтра, в 11:40. Держала его двумя пальцами, боясь порвать, даже уголок берегла. Эконом-класс, одна пересадка, окно. Десять лет мне не доставалось места у окна.

А ещё в сумке, в самом низу, под косметичкой, лежали деньги. Сто восемьдесят тысяч рублей наличными и триста евро — копила четыре года. Ночные смены в токсикологии. Проданные мамины серёжки — над ними пришлось поплакать в ломбарде, но камушки там были чистые, старые, оценщик дал хорошую цену. Плюс сберкнижка: с зарплаты на зарплату натянула двести тысяч. Двести семь, если точно. Помнила до рубля, потому что каждая отложенная тысяча была для меня как украденная.

Сегодня была последняя ночь в этом шале. Завтра — свобода.

Шале было чужое — Артём снял его на две недели у знакомого знакомого, «недорого, зато вид на Альпы». Он называл это «деловая поездка»: здесь, на маленьком горнолыжном курорте в полутора часах от аэропорта, должны были собраться «серьёзные люди». Этих серьёзных людей я знала по его рассказам: кто-то должен был подписать контракт с холдингом аль-Рашиди — арабским, большим, страшным для таких, как Артём, и потому желанным. Он репетировал перед зеркалом, как пожимает руку «самому Рашиди». Я лежала в темноте и слушала.

За час до ужина спустилась проведать Камень. Так звала камин в гостиной: огромный, серый, с чугунной решёткой, он топился дровами, пах смолой, и только возле него в этом доме отогревалась. Устроилась на низком диванчике, протянула к огню озябшие кисти. За окном шёл снег — большой, медленный, новогодний, какой редко застанешь в Екатеринбурге в марте.

Потом сверху хлопнула дверь, и по лестнице донёсся голос Лили.

Она говорила громко. Она всегда так говорила — Лиля Птах, «бизнес-партнёр моего мужа», с маникюром цвета шампанского и голосом, которым она вела переговоры Артёма. По телефону слышала её десятки раз: «Артёмуш, ну подпиши ты уже», «Артёмуш, эти дураки купят». Про них двоих давно знала. От этих разговоров хотелось закрыть уши: очень устала слушать их и делать вид, что речь о работе.

— А она? — Лиля спустилась ниже, выглянула с лестницы. — Она не в курсе?

— Она дура. — Артём обогнал её, поправил воротник. — Она в курсе того, что я ей скажу.

Встать с диванчика так и не смогла. Сидела у камина и слушала, как разваливается моя жизнь, и — странно — было спокойно. Как в операционной, когда держишь лоток и знаешь: сейчас начнётся, а ты знаешь, что делать.

Они вошли в гостиную. Лиля — в белом пушистом кардигане, с бокалом. Артём — красивый, до обиды красивый, тридцать восемь лет, а подбородок как с обложки, ослепительная улыбка, руки часовщика: он всё умел делать красиво — обещать, подписывать, забирать.

— Катюн. — Он заметил меня, махнул к креслам: — Ну так удобнее даже. Слушай.

— Она не должна слушать. — Лиля усмехнулась, пригубила вино. — Она свидетельница, что ли?

— Она жена. — Артём придвинул кресло, сел. — Это надёжнее, чем свидетельница.

Он закинул ногу на ногу и рассказал мне план. Прямо в лицо, ласково, как рассказывают ребёнку сказку перед сном.

— Смотри, Катюн. Завтра подпишу контракт с холдингом аль-Рашиди. Подписант — я, но в графе «представитель стороны» — ты. Директор нашей конторы, всё чин чином. Через полгода контракт схлопнется — такой рынок, такие риски, никто не виноват. Но долг по нему, Катюн, — а долг там под два миллиона евро, — повиснет на том юрлице. А директором юрлица — ты. — Он наклонился ко мне, понизил голос.

Смотрела на него. Камин трещал. Лиля у окна крутила бокал и листала что-то в телефоне.

— Ты хочешь, чтобы я села за твои два миллиона. — Выпрямилась, упёрлась ступнями в пол. Не спросила. Сказала.

— Хочу, чтобы мы сели. — Он улыбнулся шире, накрыл мои пальцы. — Семья, Катюн. Семья отвечает за семью.

— Семья. — Высвободилась, отодвинулась на диване. — Артём, ты слышал хоть раз в жизни, как звучит слово «банкрот» из женского рта? Хочешь послушать?

— Катюн, не драматизируй. Полгода — и всё схлынет. Никто не пострадает. У них там холдинг, у них страховка, у них всё предусмотрено. Ты вообще в финансах не понимаешь. — Он откинулся, потёр переносицу.

— В финансах — нет. — Сжала обивку, подняла голову. — Я в людях понимаю. Ты сейчас мне в глаза сказал, что продашь меня, и даже не поморгал.

— У меня завтра самолёт. — Отпустила обивку, достала билет из кармана.

И вот тут его лицо изменилось. Знаете, как меняется лицо, когда с человека слетает вся красота — разом, как парик? За десять лет это лицо приходилось видеть считанные разы. Голос оставался ласковым, а глаза становились стеклянными, как у рыбы на льду.

— Какого самолёта, Катюн? — Он опустил ногу, подался ко мне.

— Завтра. В 11:40. Я ухожу от тебя, Артём. Всё подписано, адвокат, заявление — всё. Я от тебя ухожу. — Отодвинулась от его колен, поднялась с дивана.

Тишина. В камине притихли поленья. Лиля оторвалась от телефона — смотрела на нас с интересом зрителя, которому вдруг сменили спектакль.

— Так. — Артём опустил голову, пригладил волосы: — Ну, вот и хорошо, что сейчас, а не завтра в такси.

Он поднялся. Подошёл к моему чемодану у лестницы — догнать его удалось слишком поздно, он был быстрее, он всегда был быстрее, — расстегнул молнию с выпрямленным зубчиком и достал мою папку. Красную папку, в которой лежало всё моё: свидетельство о браке, заявление, копии, справки. Билет он выхватил у меня и сунул под обложку.

— Артём. — Встала перед ним, потянулась к папке.

— Что «Артём»? — Он обогнул столик и подошёл к камину, зажав папку под локтем.

У огня заметила у него ещё и паспорт — свой паспорт, мой, потёртый, с фотографией, где мне двадцать четыре и улыбка сама просится на губы. Когда он успел достать его из сумки — так и не заметила. С деньгами всё было на виду: он вытряхнул содержимое сумки, откинул косметичку, и рублёвая пачка вместе с евро, аккуратно перевязанными канцелярской резинкой, посыпалась на пол.

— Не уедешь. — Он поднял папку, качнул над огнём. — Вот и всё, Катюн. Не уедешь.

— Артём. — Шагнула к нему, потянулась к папке. — Артём, там мама... там свидетельство о рождении... там мамины...

— Не орёт она, смотри. — Лиля отошла от окна, поставила бокал. — Стоит и трясётся.

Он бросил папку в огонь.

Как оказалась на полу перед решёткой, так и не вспомнила. Помню жар — камин дышал в лицо, — помню, как загибается уголок обложки, как лопается пластиковый файл, как вздуваются страницы. Помню, как сунула руку в решётку — чугун обжёг ладонь, пришлось отдёрнуть её и сесть на пол, — и как горело моё свидетельство о браке: а ведь думала, что буду рада.

Потом он бросил паспорт. Он сделал это легко, между делом, как бросают в мусор огрызок, — но перед броском повернул голову и посмотрел на меня. Он смотрел мне в глаза, пока паспорт летел в огонь. Это важно понять про Артёма Морозова: он жёг мою жизнь, глядя мне в глаза, и не отворачивался.

— Так не уедешь. — Он стряхнул крошку картона, придвинул решётку. — А через полгода, Катюн, всё схлынет, я тебе новый сделаю. Мы с тобой честно жили, честно и всё разрулим. Семья же.

— Семья. — Подобрала колени, подняла голову; голос слушался. — Ты знаешь, что медсёстры говорят про людей, которые жгут чужие документы? Что это самая трусливая вещь на свете. Огонь не спорит. Ты выбрал огонь, потому что со мной спорить ты боялся.

Он смотрел на меня секунду, и по спине прошёл холод: за эти слова придётся платить. Артём прикусил губу, сдержал готовый ответ. Такие обиды он помнил месяцами, до подходящего случая.

Сберкнижку он положил на каминную полку. Она осталась целой — её он собирался забрать себе.

— Лиль, деньги с пола собери. — Он отошёл к чемодану, отряхнул брюки. — Пригодятся.

Под коленом зашуршала купюра; скомкав, сунула её в карман пальто на спинке диванчика. Разглядеть не успела: Артём обернулся.

И тут зазвонил колокольчик у входа.

Над дверью висел настоящий латунный колокольчик, такими в горах встречают гостей. Дверь открылась, вместе со снегом и холодом вошёл человек в чёрном пальто — из прихожей потянуло улицей, елью и морозом. Высокий, смуглый, с короткой чёрной бородой и глазами настолько тёмными, что в отсветах камина они казались углями. За его плечом в дверях застыли двое — широкие, в тёмных куртках, явно не горнолыжники.

Артём выпрямился так резко, что у него хрустнуло в спине. Лиля чуть не выронила бокал, снова взятый с окна.

— Господин... аль-Рашиди. — Артём шагнул к гостю, заслонил камин: — Мы вас ждали только послезавтра, это такая честь, я Артём Морозов, мы переписывались, контракт, завтра подписание, я...

Хозяин шале — он вошёл в перчатках, и Артём немедленно уступил ему дорогу, — медленно обвёл взглядом гостиную. Горящую папку. Пепел на решётке. Меня — на полу, с обожжённой ладонью, прижатой к груди.

Он задержался взглядом на моей руке. Одну секунду. Две.

— Похоже, я пришёл в неудачный вечер. — Он остановился у столика, снял перчатку; голос звучал низко, негромко.

— Что вы, что вы! — Артём расстегнул пиджак, освободил кресло. — Просто... семейная сцена, женщины, документики... Проходите, я налью! У нас есть отличный...

— Нет. — Гость сжал перчатку, повернулся к выходу.

Глава 2. Соучастница

Слово ударило, как топор в колоду. Муж замер с расстёгнутой верхней пуговицей.

— Завтра. В полдень. На подписание. Без неё. — Хозяин шале смотрел на Артёма, кивнул в мою сторону; муж тут же покосился на меня. — И, господин Морозов... в моём доме не жгут бумаги. Даже чужие.

— Это недоразумение. Супружеское. Обычное. — Артём двинулся за гостем, заулыбался шире. — Вы же знаете женщин: билеты, нервы, чемоданы...

— Я знаю, как выглядят люди, которым есть что терять. И как выглядят люди, которые жгут. — Халид надел перчатку, застегнул её. — Вы, господин Морозов, сегодня — второй. Это хуже.

Он развернулся и вышел, так же спокойно, как вошёл. Дверь прикрылась, колокольчик звякнул, и в гостиной осталось трое: я у камина, Лиля на коленях, собирающая мои рубли и евро с пола, и Артём — бледный, с криво застывшей улыбкой.

— Вот оболтус. — Лиля подобрала купюру, поднялась с пола. — Пришёл раньше, чем обещал. Ну ничего, Артёмуш. Завтра подпишем — и пусть его.

С пола я смотрела на остывающий пепел, где ещё угадывался уголок моего лица — фотография двадцатичетырёхлетней меня не сгорела до конца. За окном валил снег, до самолёта оставалось четырнадцать часов, и у меня больше ничего не было для отъезда.

Совсем ничего.

Ночью я не спала. Лежала в нашей спальне — Артём с вечера ушёл «договариваться» с Лилей, и через стенку доносились их голоса, тихие и шипящие, как масло на сковороде, — смотрела в потолок и считала, что у меня есть.

Есть: два свитера, носки, фото мамы, обожжённая ладонь — волдырь поперёк пальцев, перевязанный бинтом из аптечки, где даже пластырь брала с разрешения, — и перекатывающийся в животе страх. Нет: паспорта, денег на дорогу, документов, билета, сберкнижки, плана.

В шесть утра спустилась на кухню и сделала то, что умею лучше всего: сварила крепкий чай и придумала. Даже не план — так, заноза. Консульство. Мой паспорт сгорел, но Россия — она большая, консульства есть в Европе, примут заявление, сделают свидетельство на возвращение, неделю, ну две...

— Кофе будешь? — Артём вошёл свежий, умытый, в белой рубашке и включил кофеварку. Камин за стеной его нисколько не тревожил. Моя обожжённая ладонь оставалась моей заботой.

— Нет. — Обхватила чашку, отодвинулась от стола.

— Будешь. — Он поставил кофе, развернул ко мне кружку. — Катюн, слушай сюда. Сегодня подписание. Ты будешь вежливой. Улыбаться будешь. Всё, больше от тебя ничего не надо.

— Я ничего не подпишу. — Отставила чай, отодвинула кофе.

— Тебя никто не спрашивает. — Артём придвинул кофе обратно, убрал мешавшую сахарницу. Страшнее всего было его спокойствие — всё решено, можно завтракать. — Ты жена. Жёны подписывают. Завтра сходим в консульство, я сам отвезу, честное слово. Мне сейчас нельзя, чтобы ты орала про развод на каждом углу. Неделя, Катюн. Дай мне неделю.

— Ты мне уже говорил «неделя». — Отодвинула стул, сняла с колен салфетку. — В марте. И в позапрошлом ноябре. У тебя всегда неделя, Артём. Ты живёшь в неделе, которая никогда не кончается.

Он уселся напротив, отпил кофе и добавил всё так же спокойно, глядя в кружку:

— А если ты сегодня выкинешь фокус, я тебе устрою такую жизнь... Ты без паспорта, без денег, без языка. Куда ты, в полицию? Что ты им скажешь? «Муж мои документы сжёг»?

Полицейский рассмеётся. В сделках с аль-Рашиди, Катюн, жёны входят в комплект. Ты у меня не свидетель, ты часть контракта. — Он поставил кофе у моего локтя, подвинул мне сахарницу.

Смотрела на него, а волдырь под бинтом пульсировал. Десять лет. Десять лет я вставала в шесть, чтобы ему было с чем выйти из дома. Десять лет я слушала его мать по вечерам — «Катюша, Артёмушке надо поддержку, ты же женщина, ты поймёшь». Десять лет я отдавала себя по кусочку и думала, что это называется любовь.

— Хорошо. — Придвинула к себе чай, сделала маленький глоток. Сдаваться ему не собиралась. Это была передышка. Медсестры знают: иногда, чтобы вытащить человека, надо сначала дать ему пережить этот день.

В полдень гостиная превратилась в переговорную. Стол составили из двух, Артём разложил глянцевые папки аккуратными стопками, Лиля в новом бежевом костюме раздавала визитки — оказывается, она теперь «исполнительный директор». Стояла у окна с подносом кофе — Артём велел «быть на подхвате», — когда по улице к шале подошли двое: человек-гора в сером пальто и хозяин. Халид аль-Рашиди шёл так, как ходят люди, которым никогда не приходилось никуда спешить: обогнул занос, чуть придержал спутника у скользкой ступеньки и поднялся к двери.

Началось подписание.

Он перелистывал страницы, тёмные пальцы с дорогим кольцом задерживались на строчках. Артём толкнул ко мне папку: «Катюша, вот здесь, представителя стороны», — постучал по пустой строке. Взяла ручку, но удержать её спокойно не получалось, и от ненависти к собственной дрожи сводило плечи.

— Здесь. — Халид нашёл страницу, развернул договор.

Гостиная притихла.

— Страница сорок семь. — Он придвинул папку к Артёму, убрал стакан; голос звучал негромко, тепло почти, отчего становилось страшнее. — Пункт о гарантиях исполнения. Кто физически будет обеспечивать поставки, господин Морозов? У вас нет складов. У вас нет производства. У вас, судя по реестрам, есть офис шестьдесят метров и должностное лицо, которое по документам руководит тремя компаниями одновременно. — Халид смотрел на мужа, ждал ответа; удалось опустить ручку, собраться с силами. — Интересная женщина.

— Это перестраховка! — Артём засмеялся, развёл ладони над договором. — Господин аль-Рашиди, честный бизнес! Всё оформляется на людей, которым доверяешь, — на жену, вот на мою жену, она у меня русский характер, для ваших юристов русская подпись — это надёжнее швейцарского банка...

— Моим юристам русская подпись нужна с апостилем. Вашей жене — с адвокатом. — Халид забрал договор, подровнял листы. — А мне, господин Морозов, нужны поставщики, а не красивые слова про честный бизнес.

— Но вы же сами приехали! — Артём обошёл стол, распахнул объятия — так он всегда просил кредиты. — Вы видите: люди, место, настрой! Давайте подпишем рамочно, а детали...

— Детали, господин Морозов, и есть контракт. Всё остальное — настрой. — Халид закрыл папку, поднялся из кресла. — Контракт будет пересмотрен. Юристы свяжутся.

Он забрал с кресла пальто.

Артём подпрыгнул следом, забормотал «но вы же сами приезжали, мы всё согласовали», и Халид у двери обернулся ко мне. Один короткий тяжёлый взгляд, от бровей до обожжённой руки, которую пришлось спрятать за спину.

— Кофе был хорош. Спасибо. — Он чуть склонил голову, придержал дверь для своего спутника.

И ушёл.

Через десять минут после его ухода Артём разнёс гостиную. Орал, швырял папки и визитки, потом бокал Лили ударился о стену и брызнул шампанским по шторам. «Дура», «ты

и твоя рожа на сорок седьмой странице», — осколки сыпались у моих ног, пока я стояла у окна и молчала: любое возражение он запомнит, переврёт и предъявит при случае. Он всегда так поступал.

— Молчи. — Артём упёрся в стол, смахнул папку. — Вот так и молчи. Ты умеешь только молчать. Десять лет молчишь.

— Да. — Перешагнула осколок, подобрала чашку. — Я быстро училась.

А потом в дом ворвался голос его матери.

Ирина Станиславовна звонила мне каждый вечер десять лет — а тут позвонила Артёму на мой телефон, который он с вечера держал у себя; муж вышел на балкон, говорил минуты три, вернулся и поднял передо мной погасший аппарат.

— Разберись. — Он включил громкую связь, отдал мне телефон. — И телефон оставь себе. Тебе нельзя его терять, вдруг я тебе позвоню.

— Катюша! — В трубке скрипнул стул, звякнула чашка. — Катюша, что ты мне рассказываешь, что он тебе не дозванивается? Ты же с ним! Ты же всегда с ним! Он же у тебя один, Катюша, кто ж его, кроме тебя... А мне соседка сказала — вы в Швейцарии? В Швейцарии, Катюша! У него там сделка на миллионы, он в белом костюме был на видео, я плакала! А ты там при нём хоть смотри за ним, не спускай глаз, там эти... европейки... Ты для него и кофе сварить можешь? Ты же можешь, я тебя учила...

— Ирина Станиславовна, ваш сын сегодня сорвал контракт на два миллиона евро. — Отключила громкую связь, прижала телефон к уху. Вклиниться пришлось посреди её слов: пауз она не оставляла.

В трубке замолчали секунды на три. Впервые за десять лет удавалось услышать её молчание.

— Как сорвал?.. — Она втянула воздух, кашлянула в трубку. — Это же ты! Это ты ему что-то сказала, да? Катюша! Ну кто же так, в такое время, с такими деньгами...

Стояла у окна, смотрела на снег, на засыпанную улицу, где фонари зажигались один за другим, и слушала. Про деньги, собранные Артёму на здоровье, — три месяца назад у него «болел живот», а оказалось, кредит, — про то, что обязана, про то, что рожать поздно, но пытаться не поздно, про то, что «сейчас главное — сделка, а ты, Катюша, женщина мудрая».

— Ирина Станиславовна, я перезвоню вам завтра. — Отняла телефон от уха, нашла отбой.

— Катюша!.. Она бросила трубку! Катюша, у меня давление!.. — Она закашлялась, зашуршала упаковкой таблеток.

Нажала отбой. Телефон выскользнул из уставших пальцев, упал на ковёр бесшумно. За окном шёл снег — как вчера, и позавчера, и десять лет, пока слушала Ирину Станиславовну. Один и тот же снег.

Внизу хлопнула дверь — Артём с Лилей уехали «ужинать с партнёрами». В шале осталось двое: я и камин. Села возле него на низкий диванчик, только теперь на дальний конец, подальше от огня, — и размотала бинт. Розовый волдырь на ладони мешал согнуть пальцы.

«Консульство», — повторяла про себя, укладывая повязку. «Дойти до консульства. На автобус и ночлег денег не собрать. Пешком — два дня через перевал, там тропа, деревня по карте в восьми километрах...»

В ту ночь собрала свой маленький чемодан снова. Два свитера. Носки. Фото мамы, которое чудом не сгорело — успела убрать его в карман пальто. Всё.

А утром, пока Артём спал после бессонной ночи, оделась, взяла чемодан, сунула телефон в карман, забрала из его куртки связку ключей — от шале, от машины, всё равно, — и вышла из дома.

Навсегда.

Глава 3. Снег у перевала

Улица встретила меня тишиной и метелью. Ночью поднялся ветер, и снег шёл сплошной стеной, косой, колючей, забивался под воротник; курорт, который вчера казался пряничным, съёжился, побелел, попрятался. Пекарня на углу нашей узкой улицы не открылась — за тёмным стеклом пустовали полки, у двери ещё держался запах вчерашней корицы. Прижалась лбом к окну: вот бы остаться, дождаться первого хлеба... Но из трёхсот евро двести пятьдесят остались у Лили, а пятьдесят подобрала с пола в гостиной, пока она отвлеклась.

Пятьдесят евро и мамино фото. Всё, что было при мне, — на ночёвку, без дороги домой; деньги на сберсчёте пока недоступны.

Автобусная остановка была пуста. Объявление на стеклянной стенке предупреждало: из-за непогоды движение по перевалу приостановлено. Консульство было в большой долине, за перевалом, в четырёх часах езды по серпантину — или в двух днях пешком, если идти тропой, которой летом пользуются туристы. Зимой тропу заносило до самых указателей. Достала телефон: связь пропала, по стеклу расплывались снежинки. Вытерла экран шарфом и спрятала аппарат глубже.

Подняла голову к горе. Там белела разинутая пасть метели.

— Мама, прости меня. — Прижала карман с фотографией и повернулась спиной к остановке.

И пошла.

Первый час было легко. Тропа угадывалась под снегом, справа стоял лес, ветер дул в спину; от быстрой ходьбы стало жарко: я ушла. Я ушла, слышишь, Артём Морозов? Я ушла, Ирина Станиславовна, и перезванивать вам не буду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.